

Н. А. Четверикова

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В. В. РОЗАНОВА
В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Рассматриваются антропологические проблемы пола с точки зрения взаимодействия природного и духовного содержания. Показана специфика взглядов В. Розанова на смысл половой любви.

The article considers the anthropological problems of gender, proceeding from the interaction of natural and spiritual world content. The author reveals the specific character of Vasily Rosanov's views on the meaning of sexual relations.

Ключевые слова: антиномичность, пол, природа человека.

Keywords: antinomicity, gender, human nature.

Проблема человеческой сущности во всех ее проявлениях интенсивно обсуждается, обнаруживая различные ценностные и методологические установки. Религиозный и философский дискурсы при этом представляются наиболее разработанными, которые тем не менее стимулируют дальнейшее изучение проблемы. В рамках обозначенных дискурсов интересными и значимыми являются взгляды Василия Васильевича Розанова. Еще больший интерес представляет столкновение философско-антропологических позиций в пространстве философии русского зарубежья, представленного ярче всего Николаем Александровичем Бердяевым, который также испытывал неподдельный интерес к половой проблематике.

Не вызывает сомнений признание Розановым двойственной природы человека. Как и любое животное, человек подчиняется биологическим условиям выживания и вместе с тем — стремится к исполнению духовных идеалов. Эта двойная детерминация человека, порождающая цепь последующих противоречивых свойств человека, задает неослабевающее напряженное внимание к сути человеческого. Двойственность природы человека определяет ряд оппозиций, о которых ведет речь философ: мужчина и женщина, плоть и дух, христианство и язычество.

Противоречивость сути человека признается и Бердяевым, но он подчеркивает не просто разъединенность природных оснований, а резкое противопоставление: человек — «дитя Божье и дитя ничто» [1, с. 55]. Такой принципиально иной, нежели у Розанова, подход к сути человека позволяет Бердяеву сделать вывод, что человек — это совершенно новое существо в природе.

Интерес Розанова к обозначенным оппозициям кажется естественным в силу того, что сама фигура мыслителя и его жизнь — воплощение противоречивости. Исследователи жизни и творчества Розанова особенно это отмечают. Э. Голлербах пишет о «двуликости» философа; ибо тот «знает, что антиномии суть конститутивные элементы религии, что вле-

чение к антиномии приближает нас к тайнам мира» [4, с. 98]. Н. А. Бердяев характеризует Розанова «как настоящего уникама», обладающего изумительным литературным даром, а Л. Троцкий называл Розанова «заведомой дрянью, трусом, приживальщиком, подлипалой» [5, с. 4–5].

Находим и у Розанова о самом себе не менее противоречивое высказывание: «Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слез. Их вечное пререкание — моя жизнь» [13, с. 43]. Об антиномичности и противоречивости жизни и творчества пойдет речь, тем более что философу очень нравилось, когда о нем говорят с любовью. Столь противоречивая фигура мыслителя проявила себя в антропологических воззрениях, главным содержанием которых является метафизика пола.

Работы Розанова, содержащие ясные и прямые ответы на эту «проклятую» тему, отличаются сдержанностью и целомудренностью. В отдельные моменты стиль Розанова может показаться циничным (о чем и свидетельствуют резкие высказывания его современников), однако это впечатление обманчиво. Чем больше и глубже вчитываешься в его тексты, тем отчетливее становится впечатление честности, откровенности и мужественности в отношении самых острых и запутанных половых вопросов.

Бердяев испытывает интерес к половой проблематике, но этот интерес подогревается идеями Розанова, которым Бердяев непременно хочет возразить и делает это: «Пол совсем не есть функция организма, пол есть свойство всего организма человека» [1, с. 67]. Однако он выходит за рамки традиции, признавая бисексуальность человека. (Идея весьма модная в западной культуре того времени.)

Традиционализм (его Розанов не чуждается) в решении проблемы пола обнаруживается в том, что преодоление глубинной разделенности мужского и женского начал и воссоединение оторванных друг от друга «половинок», является одной из центральных проблем человеческого существования. Затянувшуюся цепь мытарств раздвоенного человека можно разорвать, только осуществив выход в сферу, где эта двойственность не имеет места. Такой прорыв за пределы раздвоенности возможен либо через овладение духовной эротической энергией в реальных сексуальных практиках, либо через полное вытеснение секса и из практики, и из сознания. Это путь аскезы.

Однако Розанов ставит вопрос по-другому. Для него важно найти гармонию между гедонизмом, исходящим из признания чувства удовольствия, — одним из важнейших условий сексуальной активности человека; и утилитаризмом, отводящим полу функцию воспроизведения потомства. Розанов не хочет допустить пренебрежения к любым проявлениям пола и обращается к языческим и восточным мотивам осмысления гармонии гедонизма и утилитаризма.

Гедонизм, согласно представлениям Бердяева, имеет источник в бессознательном, но сознание подсказывает, как можно его получить, пытаясь преодолеть дисгармонию духовной раздвоенности. «Разврат или стремление к половым наслаждениям целиком порожден сознанием, внесением сознательного элемента в бессознательную жизнь пола» [1, с. 80].

Розанов понимает, что христианские святые воспринимают природу как нечто, противостоящее духу, с чем следует сражаться. В ряд природных «врагов» попадает телесность как средоточие греховности. Согласно

христианскому учению, Христос произошел от «бессеменного зачатия», поэтому его тело обладает особенными характеристиками, нежели тело тварного существа. Философ в качестве первообраза своей метафизики пола сформулировал образ семени и был привержен ему до конца [6, с. 459]. Семя толкуется как «муже-женское слагание Космоса», в котором имеет место предзаданная целесообразность единства полов.

Размышления по поводу египетских изображений Озириса (лежащего в гробу с эрегированным пенисом) приводят его к мысли о том, что человек «умирает весь, в полном составе души и тела, за исключением роста, живчика, семени...» [10, с. 22]. Египет был ему близок: «Потенция — это есть зерно египетское. Это = «семя», «семечко», «капелька», выбрызгиваемая из фалла: самая сущность он...» [15, с. 19]. Вследствие таких взглядов Розанов — антихристианин («русский Ницше»), ибо для него тело не есть машина страдания, напротив, — это источник любви и наслаждения, которому стоит доверять. Становится понятным, что Розанов — мыслитель, придерживающийся языческой трактовки пола, которой свойственна культивация чувственно-телесной природы, «беспредел» чувственных наслаждений. Однако это честный подход, поскольку христианство, которое желало поставить заслон греховной чувственности и всему, что связано с полом; на самом деле всколыхнуло и вывело из тени весь спектр хотений, тайных и сокровенных желаний, наслаждений и страстей. Ведь было бы странным, — борясь с грехом, — никак его не называть.

Отстаивая право пола и связанной с ним телесности быть понятными, Розанов убеждает нас в том, что человек, лишенный пола, тем самым утрачивает самостоятельность в ментальных процессах, ибо легко превращается в объект манипуляций. Плоть, плотское, которое соединяет тело с особыми чувствами и переживаниями, наслаждениями, не противно духу. Это лишь свидетельство сложной природы человека.

Сложность человеческой природы не подвергается сомнению со стороны Бердяева, однако подчинение природе унижительно для человека. Сознание возвышает человека, заставляет его бороться за *личность* против космоса и против природы. Пол, захватывая биологическую и духовную жизнь, препятствует борьбе за личность. Более того, мужское и женское начала борются между собой, усиливая дисгармонию сознания. Это превращает человека в больное существо [1, с. 70].

Честный взгляд на сексуальность дает право вскрыть причины имеющего место отвращения к совокуплению и восприятию половых органов. «всё очерчено и окончено в человеке, кроме половых органов, которые кажутся около остального каким-то многоточием или неясностью... которую встречает и с которой связывается неясность или многоточие другого организма. И тогда — оба ясны. Не от этой ли неоконченности отвратительный вид их (на который все жалуются): и — восторг в минуту, когда недоговоренное кончается» [14, с. 127]. Отвращение к восприятию половых органов философ доводит до высоких степеней (натурализм в чистом виде) — он обсуждает запахи, источаемые половыми органами. Он называет их затхлыми, тлеющими, но именно поэтому такими манящими; ибо «каждый «половой орган», вот «он жи-

вой», на самом деле лежит «между могилою и колыбелью» и принадлежит столько же колыбели, сколько и могиле» [10, с. 21].

Если Розанов почти отождествил слияние душ и совокупление, то Бердяев расценивает половой акт как враждебное личности действие. Энергия пола, концентрирующаяся благодаря борьбе между полами, взрывает целостность. Эрос необходимо принести в жертву творчеству. Это достойное занятие для человека.

Налицо антиномичность, свойственная обоим русским мыслителям: без пола нет творчества, но половое разделение необходимо преодолеть во имя ... творчества.

Розанов останавливает наше внимание на антиномии пола: пол есть явление природы (естества) и одновременно — выходит за границы естества, оказываясь внеестественным и сверхъестественным. Сверхъестественность пола означает его связь с Богом, святость, а святое не требует названия, — оно просто есть. Святое и является «неприличным», ибо сокрыто, сокровенно. Сфера половых органов — это «отдел мировой застенчивости», неприличный до святости. А-сексуалисты обязательно а-теисты [14, с. 61]. Сверхъестественность пола сообщает человеку одухотворенность, именно так человек обретает «лицо», глубину и «закругленность» отношений.

Добавим также, что философия Розанова оказывается привлекательной благодаря специфическому языку изложения любовно-сексуальной проблематики, его язык представляет собой эффективное средство исследования. Работая с текстами Розанова, ловишь себя на постоянном желании процитировать его замечательные формулировки, осязаемые мысли. Потому что лучше, чем он, трудно сказать о «скользкой» половой проблематике. Благодаря Розанову общечеловеческие ценности и интересы в вопросе природы и смысла любви, утраченные по причине прагматичной инструментальности, восстанавливаются в сознании современного человека. Это способствует совершенствованию и одухотворению сексуальных практик.

В качестве природного явления пол есть основа и умножение жизни. Мысль известная, но у Розанова она получает своеобразное доказательство. Речь идет о греховности женского пола. Не будучи моралистом, Розанов видит проблему в том, что деторождение как «закон жизни» приобретает драматический характер. Высоко ценимая христианством девственность не может быть сохранена, ибо это противостоит естеству. Однако потеря девственности вне замужества объявляется грехом. Девушки, потеряв девственность, вынуждены лгать, «расти криво», потому что каждой девушке замужество не обеспечено, но «закон жизни» при этом не отменяется. Уважение Розанова вызывают мифологические дочери Лота, зачавшие детей от отца, поскольку «уверенное в себе размножение — гордое и смелое, не ползучее» — приятно Богу. Однако сверхъестественность пола тут как тут: совокупление без замужества губит субъекта, губит лицо, приравниваясь к убийству [14, с. 283–285].

Метафизика пола в изложении Розанова не старается избегать ни глубинной основы соединения полов, ни банального совокупления. Таковы его рассуждения о восприятии им женщины, которые несут от-

печатак фактов прожитой жизни, связанных с болезнью матери. Вместе с тем Розанов лишен мужского шовинизма, хотя иногда выглядит как фаллоцентрист, убежденный в том, что «в основе всего лежит фалл» и что «именно в России суждено прийти Антихристу, чтобы попросту «опять восстановить фалл», обрубленный Алкивиадом и изничтоженный окончательно Христом» [15, с. 113]. Он может расцениваться как феминистически ориентированный исследователь.

Розанов, таким образом, реабилитирует сексуальность, которую христианство стремится подавить. Доводы его просты и разумны. Сексуальность основана на институтах брака и семьи, задача которых регулировать права и свободы людей и в случае необходимости — защищать.

Для русской культуры и философии тема амбивалентности человека не нова, но ее прочтение имеет ряд специфических черт, которые, без всякого сомнения, повлияли и на Розанова, и на Бердяева. В русской культуре, как считают культурологи, размыта граница между публичным и частным [8, с. 14]. Частная жизнь, начиная со времен античности, понимается, во-первых, как скрытая, недоступная постороннему взгляду, сторона жизни. Во-вторых, смысл частной жизни заключается в ее индивидуализированности, противостоящей коллективизму. В том и другом смыслах подразумевается специфика личностного пространства, семейно-бытовых отношений, не допускающих вмешательства извне по причине ее интимности и наличия психологических особенностей.

В результате сфера частного, приватного и по сей день обозначена очень слабо. По этой причине (наряду с другими) в России сформировался тип коллективистского сознания, называемого в русской философии «соборностью», при котором закрытость осуждается и практически не допускается [8].

Российская культура имеет также ряд существенных отличий от европейских взглядов, касающихся образцов телесности и оценок ее проявлений, таких как отношение к наготы, контроль телесных отправления и др. Исследователи отмечают, что начиная со средневековой живописи, изображение тела (плоти) отличается строгостью. Православие в этом отношении гораздо аскетичнее и строже, чем западное религиозное искусство. Но вот, что касается народного, крестьянского русского быта, то строгость здесь практически отсутствует [8, с. 17]. Розанов в этом смысле вполне «народный» философ, который воспринимает наготу как нормальное явление жизни.

Кроме того, для русской культуры характерно противопоставление «чистой» (духовной, антисексуальной) и «грязной» чувственности, сексуальности, хотя каждому известно, что одно без другого практически не бывает.

Традиции русской эротической культуры специфичны по той причине, что отношения между мужчинами и женщинами также крайне противоречивы. С одной стороны, женщины занимают подчиненное положение, подвергаются всяческим притеснениям и унижениям, вплоть до побоев, которые в общественном сознании воспринимались как не просто «нормальные», а расценивались как выражение супружеской любви. С другой стороны, женщины играли и играют заметную

роль в семейной, культурной и политической жизни, имели право распоряжаться собственностью.

Как можно предположить, все эти особенности связаны со спецификой христианизации Руси. На огромной территории страны процесс христианизации оказался растянутым во времени, поэтому с язычеством покончить быстро не было возможности. Вполне обоснованны всплески язычества, и языческий культ плоти занимает «достойное» место в антропологии Розанова.

У язычества были особенно сильные позиции в сфере сексуальных отношений, и христианство вынуждено было смотреть сквозь пальцы на эти языческие пережитки. Даже в конце XIX — начале XX в. на русском Севере имели место языческие «скакания» и «яровуха» [2, с. 88 — 115]. Эти свадебные обряды содержат элементы оргиастических праздников, состоящих в том, что молодежное веселье обязательно заканчивалось групповым сексом (свадьный грех).

Вместе с тем православие, уравновешивая пережитки язычества, дает и великолепные примеры аскетизма, что рассматривается как исключительная духовность. Можно утверждать, что в русской культуре присутствует противоречие между «низкой» народной культурой, признававшей откровенный натурализм крестьянских практик повседневности, и «высокой» духовной культурой. «Высокая» и «низкая» культуры нераздельны.

Искания русской философии в лице Бердяева и Розанова получили не только признание нынешних исследователей половой проблематики, но и стали одной из основ философско-антропологического изучения сексуальности. Переключка имен и идей становится возможной благодаря тому, что сегодня, как и во времена изучаемых мыслителей, есть некая вседозволенность, поощряющая творческое экспериментирование в поисках нового видения будущего.

В этом смысле философия Розанова может быть понята как авангардизм, занятый поиском новых практик соединения «физики» и «метафизики», «феномена» и «ноумена» [7, с. 121 — 131]. Путь Розанова — это поиск всеобщего через частное, приватное, повседневное. Ежедневные (а то и ежечасные) записи философа имеют смысл, поскольку «мелочное, мимолетное, невидимые движения души, паутинки бытия» суть постижение вечного. Это и есть инновационная форма самовыражения в жизни, нашедшая естественное продолжение в философии Розанова, которую его современники воспринимали как хулиганство и эпатаж.

Для столь сложной духовной работы, которая должна была заставить общество заговорить о насущных проблемах Бога, души, пола, свободы, Розанов помещает себя в образ шута с «нездоровым» интересом к половой проблематике, превратившим свою жизнь в театральную пьесу.

Кризис классических ценностей, воспринимаемый как кризис самой жизни, обратил философа к переосмыслению быта и повседневности. Там он ищет новые смыслы, экспериментируя с созданием текстов и образов. Тексты из-под пера Розанова — полифоничны, поэтому допускают самые различные интерпретации со стороны читателей и критиков.

«Частная» проблематика благодаря усилиям Розанова и Бердяева вышла из разряда маргинальных и стала языком постижения сути жизни

общества. Благодаря замечательным русским философам культурные смыслообразы реактуализируются. Отказ видеть в различии полов метафизическое основание жизни и культуры является препятствием для развития гармоничных отношений между мужчиной и женщиной.

Парадокс современной культурной ситуации ужаснул бы Розанова: обнажив пол, сняв с человека всяческие, даже символические одежды, культура сделала его таким же бесполом, как и христианство, прятывшего наличие пола за семью печатями. Сегодня можно сказать, что оборотная сторона сексуальной революции состоит в том, что человек теряет интерес к сексуальной сфере [7, с. 131].

Антропология, представленная Бердяевым и Розановым, замешанная на таинственности пола, реабилитирует абстрактного Эроса, однако пугается реальной сексуальности эротизма, пытаясь одолеть его либо с помощью творчества, либо поиском гармонии мужественности и женственности.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993.
2. Бернштам Т. А. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине 19 – начале 20 в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977.
3. Водоллагин А. В. Любовь и смерть в понимании В. В. Розанова // Вопросы философии. 2006. №10. С. 109–113.
4. Голлербах Э. В. В. Розанов: Жизнь и творчество. СПб., 1922.
5. Гулыга А. В. «Как мучительно трудно быть русским» // Розанов В. В. Опавшие листья. М., 1992.
6. Зеньковский В. История русской философии. М., 2001.
7. Климова С. М. В. Розанов и М. Фуко о странностях любви. XX век // Человек. 2008. №3.
8. Кон И. С. Сексуальная культура в России. М., 1997.
9. Лосский Н. О. История русской философии. М., 2000.
10. Письма В. В. Розанова к Э. Ф. Голлербаху. [Электронный ресурс]. URL: <http://users.kaluga.ru/kosmorama/letters.html>.
11. Розанов В. В. Афродита и Гермес // Весы. 1909. №5.
12. Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного. СПб., 1904.
13. Розанов В. В. Во дворе язычников. М., 1999.
14. Розанов В. В. Опавшие листья. М., 1992.
15. Розанов В. В. Последние листья. 1916 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://users.kaluga.ru/kosmorama/listya.html>.
16. Фараджев К. Ф. Безжизненность системы образования и «натуралистический» подход В. В. Розанова // Культурология: Дайджест. 2003. №3.

Об авторе

Н. А. Четверикова — д-р филос. наук, проф., Балтийский институт экономики и финансов.

About author

Professor N. Cetverikova, Head of the Department of Philosophy, Baltic Institute of Economics and Finance

